

Участники Кирилло-Мефодиевского общества в Петропавловской крепости (1847—1848)

А. С. Манойленко,
Ю. Е. Манойленко

В Весной 1847 года в Северную столицу были доставлены арестованные участники Кирилло-Мефодиевского общества – тайной политической организации, возникшей в кругах украинской интеллигенции. Троицким из привезенных в Санкт-Петербург «заговорщиков» предстояло побывать в стенах «Русской Bastии», как именовалась современниками тюрьма Петропавловской крепости.

«Славянское общество святых Кирилла и Мефодия» было образовано в Киеве в 1845 году¹. Основателями организации стали чиновник Канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края Н. И. Гулак, адъюнкт-профессор университета Св. Владимира Н. И. Костомаров и выпускник университета В. М. Белозерский.

Общество выросло из неформальных собраний на квартире Н. И. Гулака. В них участвовали студент А. В. Маркевич, преподаватель

Полтавского кадетского корпуса Д. П. Пильчиков и бывший профессор химии Киевского университета С. Ф. Зенович². Собрания посещал и приехавший из Санкт-Петербурга выпускник Императорской Академии художеств Т. Г. Шевченко, намеревавшийся занять должность учителя рисования при университете³.

Позднее к Обществу присоединились преподаватель 5-й Санкт-Петербургской гимназии П. А. Кулиш, студенты университета Св. Владимира Г. Л. Андрузский, И. Я. Посяда и А. Д. Тулуб, выпускник университета А. А. Навроцкий и помещик Полтавской губернии Н. И. Савич⁴.

Члены Кирилло-Мефодиевского общества ставили своей целью распространение идей, связанных с духовным и политическим объединением славянских народов. Итогом этого объединения должно было стать создание федерации, основанной на принципе равенства всех

славянских народностей, которые, находясь в «прочной связи» между собой, сохраняли бы «свою отдельную автономию»⁵. Каждая из составных частей федерации должна была иметь «правление народное и соблюдать совершенное равенство граждан», для чего предполагалось отменить любые формы рабства и крепостного права⁶.

Способствовать достижению поставленных целей предполагалось посредством «воспитания юношества, литературы и умножения числа членов общества»⁷. При этом все действия Кирилло-Мефодиевского общества и его участников должны были согласовываться с евангельскими принципами «любви, кротости и терпения»⁸.

В марте 1847 года проживавший на квартире Н. И. Гулака студент университета Св. Владимира А. М. Петров донес о существовании Кирилло-Мефодиевского общества⁹. Передав в руки властей

экземпляр «Устава» организации, А. М. Петров назвал имена участников тайных собраний и заявил, что они «стремились произвести переворот в государстве»¹⁰.

Получив эти сведения, генерал-губернатор Юго-Западного края Д. Г. Бибииков распорядился произвести аресты членов Общества¹¹. Одновременно чиновниками III Отделения был арестован находившийся в Санкт-Петербурге Н. И. Гулак, а министрам финансов и внутренних дел предписано принять меры к задержанию отбывших за границу П. А. Кулиша и Н. И. Савича¹².

Во время следствия, продолжавшегося с 17 марта по 29 мая 1847 года, арестованные содержались в здании III Отделения на набережной реки Фонтанки, 16. Условия содержания здесь были сравнительно мягкими: каждому отводилась комната с двумя большими окнами, кроватью, кушеткой и письменным столом. О суровой действительности напоминал лишь жандармский караул, видневшийся сквозь застекленные в верхней части двери.

Первым в III Отделение был доставлен Н. И. Гулак, у которого изъяли бумаги и письма, свидетельствующие о принадлежности к Кирилло-Мефодиевскому обществу. Однако молодой человек наотрез отказался отвечать на вопросы следователей, заявив, что «говорить запрещает ему совесть»¹³. Убедить Н. И. Гулака дать показания не смогли ни личные беседы с ним главного начальника III Отделения А. Ф. Орлова, ни увещевания «обра-

Н. И. Гулак (1821–1899 гг.)

Н. И. Костомаров (1817–1885 гг.)

зованного и опытного» священника, специально присланного от обер-прокурора Св. Синода.

Необычайное упорство Н. И. Гулака стало причиной того, что 1 апреля 1847 года император Николай I распорядился заключить его в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В секретном письме А. Ф. Орлова к коменданту крепости, отмечалось: «Арестант сей есть самый важный, закоренелый и доказанный политический преступник, который, между тем, показал столько упорства, что, несмотря на все убеждения и явные против него улики, не открывает подробностей своего преступления»¹⁴.

Комендантом Петропавловской крепости в это время был дед прославленного русского полководца

М. Д. Скобелева – генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев (1778–1849), человек сложной и драматической судьбы.

Сын бедного сержанта-однодворца из Оренбургского края, в возрасте 15 лет он поступил на военную службу и прошел все ступени армейской карьеры, от капрала до полного генерала. В августе 1808 года, участвуя в сражениях против шведских войск в Финляндии, И. Н. Скобелев лишился двух пальцев правой руки и был контужен в грудь¹⁵. Будучи уволен из армии, 32-летний капитан поступил в штат петербургской полиции на должность пристава, однако после вторжения Наполеона в Россию вернулся в строй.

И. Н. Скобелев принимал участие в сражениях при Бородино, Тарутино, Малоярославце, Красном, прошел с русскими войсками Германию и переправился через Рейн на территорию Франции.

Генерал от инфантерии
И. Н. Скобелев.
Комендант Петропавловской
крепости (1839–1849 гг.).

1 марта 1814 года, во время внезапного наступления Наполеона под Реймсом, батальон Рязанского пехотного полка, которым командовал И. Н. Скобелев, был «атакован шестикратно неприятельскою конницею»¹⁶. Несмотря на ранения в левую руку и правую ногу, молодому полковнику удалось отразить атаки противника и дать возможность союзным русско-прусским войскам отступить от города. При этом И. Н. Скобелеву лично было постав-

П. А. Кулиш (1819–1897 гг.)

лено в заслугу спасение «раненого в сем деле корпусного командира» Э. Ф. де Сен-При¹⁷.

В апреле 1831 года, участвуя в подавлении Польского восстания, И. Н. Скобелев был ранен ядром в левую руку, которую пришлось ампутировать на поле боя. В последующие несколько лет искалеченный генерал состоял «по военным поселениям», был членом генерал-аудиториата, служил инспектором резервной пехоты¹⁸. В мае 1839 года И. Н. Скобелев был назначен комендантом Петропавловской крепости, ставшей для него последним местом более чем полувековой службы.

Особым подразделением крепости являлся Алексеевский рavelин, предназначенный для содержания политических заключенных. Треугольное одноэтажное здание секретной тюрьмы, созданной по распоряжению императора Павла I, насчитывало несколько десятков одиночных камер, самыми известными узниками которых на момент описываемых событий были участники восстания декабристов.

По распоряжению коменданта И. Н. Скобелева, Н. И. Гулак был помещен в «арестантский покой» № 7¹⁹. В наказание за проявленное на следствии упорство заключенного предписывалось содержать «самым строгим образом, в совершенном уединении, не допуская никого к нему и не давая ему ни книг, ни других предметов развлечения»²⁰.

Через несколько дней после помещения молодого человека в крепость А. Ф. Орлов передал для него запечатанный пакет с «вопросными пунктами», в которых Н. И. Гулаку предлагалось назвать имена участников Кирилло-Мефодиевского общества и сообщить подробности их деятельности²¹. Однако тот продолжал хранить молчание и на все вопросы отвечал: «Не знаю»²².

В начале мая 1847 года генерал-губернатор Д. Г. Бибииков сообщил в III Отделение о том, что члены Кирилло-Мефодиевского общества якобы «должны иметь на теле знаки гетманской булавы»²³. По этому поводу И. Н. Скобелеву было предписано «немедленно и самым внимательным образом» осмотреть Н. И. Гулака²⁴. Однако никаких знаков на теле последнего не оказалось, о чем комендант и сообщил А. Ф. Орлову.

Алексеевский рavelин Петропавловской крепости

Утром 15 мая Н. И. Гулак «под стражейшим караулом» в четырехместной наемной карете был доставлен в III Отделение на очную ставку с участниками Кирилло-Мефодиевского общества В. М. Белозерским, Н. И. Костомаровым, И. Я. Посядой, Г. Л. Андрузским и студентом А. М. Петровым, донесшим о существовании организации²⁵.

Во время очной ставки Н. И. Гулак вновь проявил упорство и, «нимало не сознаваясь», заявил А. Ф. Орлову, что остается при своих прежних ответах. Раздраженный

глава III Отделения высказался о нём: «Да это корень зла!»²⁶ Историк же Н. И. Костомаров, вспоминая этот эпизод через тридцать лет, писал о Н. И. Гулаке: «Он был настоящий практический христианин и осуществил в своем поступке слова Спасителя: “Больше сея любви никто же имать, да аще положить душу свою за друга своя”»²⁷.

30 мая 1847 года был объявлен приговор участникам Кирилло-Мефодиевского общества. Н. И. Гулак, признанный «главным руководителем» организации и увеличив-

Здание III Отделения Собственной е.и.в. канцелярии (наб. р. Фонтанки, 16).

ший свою вину «необыкновенно упорным запирательством», был приговорен к трехлетнему заключению в Шлиссельбургскую крепость с последующей ссылкой «в отдаленную губернию под строжайший надзор»²⁸.

В тот же день комендант Петропавловской крепости передал молодого человека «с принадлежащими ему вещами и деньгами» присланному от А. Ф. Орлова прапорщику Санкт-Петербургского жандармского дивизиона для отправки в Шлиссельбург²⁹.

Уже по окончании следствия, из петербургского почтамта в III Отделение было передано пришедшее на имя Н. И. Гулака письмо от его родителей, в котором выражалось отчаяние по поводу долгого молчания сына³⁰. А. Ф. Орлов приказал доставить письмо в Шлиссельбургскую крепость с тем, чтобы Н. И. Гулак ответил на него, «поместив одни родственные объяснения»³¹. Пересылку ответа по назначению III Отделение принимало на себя.

Согласно высочайшему распоряжению, двое других участников Кирилло-Мефодиевского общества, Н. И. Костомаров и П. А. Кулиш, были приговорены к заключению в Алексеевский рavelин сроком на один год первый и на четыре месяца второй³². Оба были привезены в Петропавловскую крепость 30 мая и переданы в распоряжение коменданта И. Н. Скобелева.

Последний направил их в Алексеевский рavelин, где была составлена подробная опись личных вещей заключенных, после чего они были переодеты в казенные одежду и обувь и отправлены в камеры. Как вспоминал Н. И. Костомаров, «это была просторная комната с койкой, простым дубовым столом, покрытым грубою скатертью, и с деревянным стулом при столе. Комната тускло освещалась одним окном, замазанным снаружи белилами. На окне стояла большая оловянная кружка для воды с вырезанными на ее крышке буквами А. Р. Стены комнаты были чрезвычайно толсты»³³.

Потянулись долгие дни тюремного заключения. Арестанты покидали камеру лишь для походов в баню и прогулок в саду, располагавшемся во внутреннем дворе Алексеевского рavelина. Единственным развлечением служили

Петропавловская крепость

книги, выдававшиеся из имевшейся при рavelине библиотеки. На ночь в камерах зажигали ночники, чтобы караульные имели возможность наблюдать за арестантами.

По распоряжению И. Н. Скобелева, «на пищу» Н. И. Костомарову ежедневно производилось 28⁴/₇ копейки серебром, а П. А. Кулишу – 18 копеек³⁴. Питание состояло из супа и каши с маслом, к которым по праздникам добавлялся пирог. Во избежание покушений на самоубийство к обеду не подавались ножи и вилки.

Во время содержания в крепости Н. И. Костомарову были разрешены свидания с матерью, а П. А. Кулишу – с женой³⁵. Свидания проходили в специально отведенной комнате, разделенной решетчатой перегородкой в человеческий рост, «так чтобы сквозь оную можно было видеть и говорить»³⁶. При этом в комнате присутствовал комендант крепости или смотритель Алексеевского рavelина.

Через месяц пребывания в крепости П. А. Кулиш серьезно заболел, и император Николай I распорядился принять необходимые меры для его излечения. 2 июля 1847 года заключенный был в наёмном экипаже под караулом отправлен в 2-й Военно-сухопутный госпиталь, где помещен в специально приготовленный покой «при умалишенном отделении»³⁷. В тот же день П. А. Кулиш был исключен

из списка арестантов Алексеевского рavelина³⁸.

Н. И. Костомаров оказался единственным, кому предстояло до конца отбыть весь определенный приговором срок заключения. По воспоминаниям историка, в крепости он приобрел привычку пить чай в полдень, изучил греческий и испанский языки и прочел все сочинения Жорж Санд³⁹.

Условия содержания в Алексеевском рavelине были таковы, что арестанты имели возможность на собственные средства приобретать продукты питания в крепостной мелочной лавке. Первоначально она размещалась на «садовом месте» между Петропавловским собором и Никольской куртинею. В марте 1837 года лавка сгорела, и для торговли было отведено помещение сначала в Никольской, а затем в Кронверкской куртине⁴⁰. Незадолго до заключения в крепость участников Кирилло-Мефодиевского общества в лавке была высочайше разрешена продажа табака и сигар⁴¹.

Находясь в Алексеевском рavelине, Н. И. Костомаров регулярно пользовался «услугами» мелочной лавки. Отметим, что историк отнюдь не был стеснен в деньгах: на момент заключения в крепость он имел в своем распоряжении 709 рублей 78 копеек серебром, которые сдал по описи смотрителю рavelина⁴².

Все траты, которые производились арестантами из личных сумм,

тщательно фиксировались и заносились в опись. Благодаря этому можно проследить расходы Н. И. Костомарова во время годичного пребывания в Петропавловской крепости.

За первый месяц заключения историк истратил 31 рубль 99 копеек на чай, сахар, булки, сливки и сигары⁴³. К 1 октября 1847 года на те же предметы было израсходовано ещё 75 рублей 5 копеек⁴⁴.

С 1 ноября по 1 декабря на покупку табака, трубок, чая, сахара, сливок и стирку белья заключенный «издержал» 29 рублей 82 копейки⁴⁵. К апрелю 1848 года был потрачен 41 рубль 74 копейки⁴⁶.

В середине мая Н. И. Костомаров выдал 300 рублей серебром своей матери, а до конца месяца истратил на чай, сахар, сливки, булки, подкладку к сюртуку и новые сапоги 30 рублей 70 копеек⁴⁷.

30 мая 1848 года для Н. И. Костомарова наступил долгожданный день освобождения. «Часов в семь утра ко мне в комнату принесли мой чемодан; пришел смотритель и предложил расписаться в обратном получении моих вещей и утверждении счета издержкам, делаемым из находившихся у него моих денег. По окончании расчетов смотритель объявил, что пора ехать. Мы

вышли, перешли мост, за воротами рavelина стояла уже карета; мы сели в нее и поехали, направляясь к III Отделению», – вспоминал историк⁴⁸.

В здании III Отделения на Фонтанке Н. И. Костомаров провел две недели, после чего был направлен под надзор полиции в Саратов. Впереди у него были членство в Императорской Академии наук, общественное признание и насклоне лет семейное счастье с Алиной Крагельской, свадьбу с которой в 1847 году расстроило следствие по делу Кирилло-Мефодиевского общества.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Д. 193. Л. 74.

² Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1990. С. 474–475.

³ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 442. Оп. 796. Д. 361. Л. 13.

⁴ Кирилло-Мефодіівське товариство. Т. 1. Киев, 1990. С. 21.

⁵ Там же. С. 150.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 193. Л. 70–70 об.

¹⁰ Тарас Шевченко: Документи та матеріали до біографії (1814–1861). Киев, 1982. С. 90.

¹¹ Там же. С. 95–96.

¹² Журнал следствия III Отделения в деле Кирилло-Мефодиевского общества [Электронный ресурс] // «Ізборник». Історія України IX–XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації. 2002–2012. URL: <http://litopys.org.ua/rizne/kmt05.htm> (дата обращения: 08.01.2014).

¹³ Там же.

¹⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 5. Д. 57. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 3610. Л. 62.

¹⁶ Там же. Л. 63–64.

¹⁷ Там же. Л. 64.

¹⁸ Там же. Л. 64–65.

¹⁹ Там же. Ф. 1280. Оп. 8. Д. 97. Л. 1.

²⁰ Там же. Оп. 5. Д. 57. Л. 1–1 об.

²¹ Там же. Л. 2; Журнал следствия III Отделения.

²² Журнал следствия III Отделения.

²³ Там же.

²⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 5. Д. 57. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 4, 6–6 об.

²⁶ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 484.

²⁷ Там же. С. 485.

²⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 5. Д. 57. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 8. В островной тюрьме Н. И. Гулак оставался до 1850 года, затем был переведен в Пермь. После освобождения от надзора полиции занимался научной и педагогической деятельностью на Юге России, стал автором трудов по истории, геометрии, философии, литературе. Скончался в мае 1899 года в Елизаветполе в возрасте 78 лет.

³⁰ Журнал следствия III Отделения.

³¹ Там же.

³² РГИА. Ф. 1280. Оп. 5. Д. 63. Л. 1.

³³ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 486.

³⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 8. Д. 97. Л. 7 об.

³⁵ Там же. Оп. 5. Д. 63. Л. 1–1 об.

³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 122. Л. 3 об.

³⁷ Там же. Оп. 5. Д. 63. Л. 5, 6.

³⁸ Там же. Л. 6. В госпитале П. А. Кулиш находился до 27 августа 1847 года, когда был выписан и с фельдшером доставлен в III Отделение. После этого, по высочайшему повелению, он был освобожден от заключения и выслан в Тулу под надзор полиции.

³⁹ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 487.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 278. Л. 2–3.

⁴¹ Там же. Д. 426. Л. 1–1 об.

⁴² Там же. Оп. 8. Д. 98. Л. 12 об.

⁴³ Там же. Л. 12 об., 14.

⁴⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁵ Там же. Л. 14 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 15.

⁴⁸ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 487.